

Проф. Н. И. Мордовченко

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПУШКИНА

Более ста лет назад Белинский, подводя итоги своему замечательному разбору творчества Пушкина, проницательно предсказывал то время, когда Пушкин «будет в России поэтом классическим», когда «потомство воздвигнет ему вековечный памятник». Это произошло в нашу великую социалистическую эпоху: слава Пушкина стала у нас действительной всенародной славой, Пушкин сделался первым и любимейшим поэтом народов Советского Союза. Об этом убедительно свидетельствует широкое всенародное чествование памяти Пушкина, которое происходило в 1937 г. в связи с исполнившимся столетием со дня его гибели. Об этом свидетельствует стопятидесятая годовщина со дня рождения Пушкина, которую праздновала наша страна в текущем 1949 г.

Еще при жизни Пушкина Гоголь сказал о нем, что «никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему».

Пушкин вышел из дворянской среды, по воспитанию и образованию он был тесно связан с дворянской культурой, но он принадлежал к тем „лучшим людям” из дворянства, которые своей деятельностью способствовали пробуждению народа. По всему характеру и направлению творчества Пушкин далеко опередил свое время и свою эпоху. Он явился в своем творчестве предвестником подлинно человеческой свободной жизни, — таких отношений между людьми, которые невозможны были в обществе, основанном на угнетении народа.

«В 1825 г. Россия впервые видела революционное движение против царизма», — говорил Ленин в докладе о революции 1905 г.¹ Декабристы впервые подняли знамя открытой, политически осознанной борьбы с крепостничеством и самодержавием. В обстановке развертывания этой борьбы рос и созревал поэтический гений Пушкина. Пушкин стал глашатаем самых передовых для своего времени идей дворянской революционности, причем с многими деятелями декабризма его связывали узы личной близости и дружбы.

Отечественная война 1812 г., оказавшая огромное влияние на идейное развитие декабристов, не меньшее влияние оказала и на Пушкина. Общественный патриотический подъем в пору борьбы с полчищами Наполеона стал источником свободолюбия как Пушкина, так и декабристов. Свободолюбивая атмосфера Царскосельского лицея, где учился Пушкин, прекрасно подготовила его к восприятию декабристских идей. Еще на лицейской скамье Пушкин создает свое послание «Лицинию», которое

¹ В. И. Ленин. Соч., 3-е изд., т. XIX, стр. 348.

заканчивалось грозным указанием на то, что государство, основанное на рабстве, обречено на гибель: «Свободный Рим возрос, а рабством погублен».

В стране самодержавия и крепостного права, во времена военных поселений и аракчеевского застенка Пушкин восславил свободу. В Пушкинской оде «Вольность» современники слышали призывы к борьбе и революционному насилию. В стихотворении «Деревня» Пушкин выступил с горячим протестом против крепостного права. Послание к «Чадаеву» явилось для Пушкина своего рода исповеданием его свободолюбия и патриотизма.

Революционные стихотворения и эпиграммы Пушкина распространялись из Петербурга по всей стране в сотнях рукописных копий, они переходили из рук в руки и заучивались наизусть.

1820 год — год высылки Пушкина из Петербурга — был началом революционного подъема во всей Европе. В Испании, Италии и Португалии развернулись революционные события, в Париже был раскрыт военный заговор, в Петербурге вспыхнуло вооруженное восстание Семеновского полка, сопровождавшееся серьезным революционным брожением во всей царской гвардии. Революционное движение перекинулось и в Грецию, на Балканский полуостров, в Молдавию и Валахию.

В Кишиневе Пушкин особенно близко сошелся со многими деятелями декабризма, которые пересматривали тогда свои боевые и тактические планы в связи с происходившими революционными событиями. Кишинев был центром бессарабской ячейки «Союза Благоденствия», возглавлявшейся петербургским знакомцем Пушкина генералом М. Ф. Орловым. Поэт знал, что его кишиневские друзья вели систематическую революционную работу среди солдат и искали единомышленников среди офицерства и местной интеллигенции.

В 1821—1822 гг., в пору пребывания Пушкина в Кишиневе, его революционные настроения необычайно возросли. Этому способствовали впечатления окружавшей Пушкина действительности, общий революционный подъем, происходивший тогда в Европе и России, а также его общение с южными декабристами. Революционные стихотворения Пушкина, которые он продолжал создавать, распространялись в списках, как боевые прокламации. Они поднимали у декабристов революционный дух, они звали на борьбу за политическое раскрепощение России.

О кишиневских политических настроениях Пушкина ярко свидетельствует дневник его сослуживца Долгорукова, где имеются весьма примечательные записи. Как гласят эти записи, Пушкин открыто говорил, что «тот подлец, кто не желает перемены правительства в России», он выступал против крепостного права, считал самым уважаемым сословием в России земледельческое, а дворян, по его словам, «надобно всех повесить»: он «с удовольствием затягивал бы петли».

Организационно Пушкин никогда не входил в тайные общества, и, однако, он был подлинным идейным вдохновителем декабристов. Недаром уже после разгрома восстания Жуковский в одном из своих писем к Пушкину с тревогой отметил, что «в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои». Декабрист И. Якушкин вспоминал впоследствии, что «в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал наизусть» революционных стихов Пушкина. Другой декабрист, Д. И. Завалишин, писал о Пушкине: «Можно наверное сказать, что по крайней мере 9/10, если не 99/100 тогдашней молодежи первые понятия о безверии и крайних революционных мерах получили из его стихов. Самое достоинство стиха, легко удерживаемого в

памяти, содействовало распространению революционных идей; если не все прилагали их к делу, то все-таки знакомы с ними были по Пушкину». Глубокие нерасторжимые связи своего поэтического творчества с движением декабристов Пушкин прекрасно сознавал и сам, и впоследствии в стихотворении «Арион» он с полным правом назвал себя певцом отважных «пловцов» — декабристов.

Величие Пушкина состоит, однако, не только в том, что он был глашатаем идей дворянской революционности, но и в том, что он понял ее слабые стороны. За полтора-два года до декабрьского восстания Пушкин начал приходить к выводу, что в оторванности от народа заключается подлинная трагедия того движения, с которым так тесно связана была его собственная судьба. Декабристы еще не знали, что народ является движущей силой истории. Но этой великой истиной сумел овладеть Пушкин, и потому-то он стал основоположником новой русской литературы. Свое понимание народа, как основной и решающей силы исторического процесса, Пушкин развернул в «Борисе Годунове», законченном в Михайловской ссылке за месяц с небольшим до восстания 14 декабря 1825 г.

В Михайловском Пушкина навещил его лицейский товарищ — декабрист Пуцин, из Михайловского Пушкин вел переписку и дружески спорил по литературным вопросам с северными декабристами — Рылеевым и А. Бестужевым. Пушкин деятельно сотрудничал в их альманахе «Полярная Звезда»: они преклонялись перед его гением и считали главой русской поэзии. «Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца», — писал Пушкину Рылеев под впечатлением «Цыган». И в другом письме, отправленном совсем незадолго до восстания, Рылеев обращался к поэту с такими словами: «На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь поэт и гражданин».

Пушкин видел зарю декабристской революционности, он явился певцом декабризма, но он понял и главную причину неизбежности трагического конца всего движения. «Первые годы, следовавшие за 1825, были ужасающие», — вспоминал Герцен. «Только лет через десять общество могло очнуться в атмосфере порабощения и преследований. Им овладела глубокая безнадежность, общий упадок сил. Высшее же общество с подлым и низким рвением поспешило отречься от всех гуманных чувств, от всех цивилизованных мыслей».¹ Пушкин никогда не отрекался и не отрекся от гуманных чувств, на всю жизнь он остался верен идеалам своей молодости, декабристы на всю жизнь остались для него братьями, друзьями, товарищами.

В 1827 г., когда жена декабриста Н. Муравьева уезжала к мужу в Сибирь, Пушкин передал ей стихотворение, приветствующее ссыльных декабристов и полное глубокой веры в их дело:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Отправляя послание «В Сибирь», Пушкин ставил на карту свою свободу. Николаевская реакция не упустила бы случая расправиться с поэтом, если бы его поступок стал известен третьему отделению.

В мае 1829 г. Пушкин, несмотря на запрещение, отправился в действующую армию в Закавказье. Едва ли не главным побуждением

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. VI, П., 1919, стр. 364.

к этой поездке было его стремление встретиться с сосланными на Кавказ декабристами. Ко времени приезда Пушкина в действующей армии служило 58 бывших декабристов и среди них брат его лицейского товарища М. Пушин, Вольховский, Бурцев и многие другие. Впечатления этой поездки отразились у Пушкина в его «Путешествии в Арзрум», которое пестрит именами декабристов, названных из-за цензурных соображений, по большей части, одними инициалами.

На Кавказе перед Пушкиным прошла длинная вереница живых свидетелей и участников недавнего героического прошлого. Общение с сосланными на Кавказ декабристами Пушкин использовал в работе над величайшим своим созданием — «Евгением Онегиным».

Через год после поездки на Кавказ поэт начал десятую главу романа, которую он писал под впечатлением кавказских встреч и бесед с декабристами, но которую из предосторожности должен был сжечь, оставив для себя лишь тщательно зашифрованные отрывки. Теперь когда пушкинский шифр давно разгадан исследователями, мы знаем, что в десятой главе поэт дал сатирическую характеристику Александра I («властитель слабый и лукавый»), говорил об Отечественной войне 1812 года, воссоздавал образы деятелей декабристского движения и показывал жизнь первых революционных организаций. Сохранилось известие, сообщенное одним мемуаристом, будто в 1829 г., во время пребывания на Кавказе, Пушкин рассказывал своим собеседникам «довольно подробно все, что входило в первоначальный замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был погибнуть на Кавказе или попасть в число декабристов».

Было бы неправильно, как это делают некоторые исследователи, считать, что герой пушкинского романа — это будущий декабрист. Как реализовался бы замысел Пушкина, мы не знаем, а истолковывать роман на основе одних предположений глубоко ошибочно. Несомненно лишь, что Пушкин мыслил свой роман как роман общественно-политический. Заканчивая его в условиях цензурно-полицейского террора николаевской реакции, Пушкин не имел возможности не только поэтически воссоздать декабристское движение, но даже коснуться этой темы. Поэт отнес действие в «Евгении Онегине» к декабристскому пятилетию 1820—1825 гг., но он вынужден был укоротить свой роман и отказаться от освещения политической жизни дорогого для него времени. И все же в заключительной строфе последней главы «Евгения Онегина» Пушкин говорит о декабристах. Это им, его товарищам и друзьям, из которых одни были повешены, а другие томились в кавказской армии или в Сибири, посвящены строки:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.

Революционные традиции декабристов не умерли, однако, в русском обществе; эти традиции унаследовало новое поколение русских революционеров — революционных демократов. Первым из них явился Белинский, который, по словам Ленина, стал «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении». ¹ Белинский вышел на общественную арену за три года до гибели Пушкина, и в эти годы далеко еще не сложилось его революционно-демокра-

¹ В. И. Ленин. Соч., 4-е изд., т. XX, стр. 223.

тическое мировоззрение. В последекабрьскую эпоху Пушкин не видел и еще не мог видеть тех общественных сил, которые бы могли возглавить борьбу с крепостничеством и самодержавием. В этом главный источник тех трудностей и противоречий, в кругу которых суждено было биться гению Пушкина в 30-е годы. Все надежды Пушкин стал возлагать на распространение просвещения и гуманности. В развитии своих политических взглядов Пушкин не пошел дальше идей просвещенного дворянства. Однако Пушкин проницательно угадывал новые общественные силы, окончательно созревшие после его гибели. Знаменательно, что в последние годы жизни он внимательно присматривался к деятельности молодого Белинского, сочувственно о нем отзывался и совсем незадолго до гибели решил привлечь к совместной журнальной работе в «Современнике».

Пушкин пал жертвою самодержавно-крепостнического строя, затравленный великосветской придворной челядью; он был убит, как впоследствии писал Герцен, «одним из тех иностранных драчунов-забияк, которые как средневековые наемники... отдают свою шпагу за деньги к услугам всякого деспотизма. Он пал в полном расцвете сил, не окончив своих песен, не досказав того, что имел сказать».¹ Но и то, что сказано было Пушкиным, открыло новую эпоху в русской культуре.

По словам М. Горького, «Пушкин как бы зажег новое солнце над холодной хмурой страной, и лучи этого солнца сразу оплодотворили ее».² Пушкин был новатором во всех областях художественного творчества. Он произвел переворот в русской поэзии, он явился преобразователем нашей драматургии, он был, наконец, смелым пролагателем совершенно новых путей в художественной прозе.

Неисчислимыми заслугами родине измеряется историческое значение Пушкина. Бессмертие Пушкина — в силе его патриотизма, в его самолюбии. Пушкин всегда сознавал свою ответственность перед родиной, и до конца дней он пронес живое чувство ее чести. «Только революционная голова... может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык», — писал Пушкин. «Все должно творить в этой России и в этом русском языке».

С начала своего творческого пути Пушкин обратился к разработке неистощимых богатств русского языка. Родоначальник новой русской литературы, он явился в то же время создателем русского литературного языка. Пушкин не уставал повторять о глубокой самобытности русского языка, об особенностях русского национального стиля, резко отличающих его от «европейского жеманства и французской утонченности». Пушкин был знатоком народного языка, он наблюдал народный язык и записывал его. Он оценил самый строй народной речи и положил ее в основу речи поэтической, литературной. В тесной связи литературного языка с народной речью Пушкин видел залог «свободы нашего богатого и прекрасного языка». В статье «О предисловии г-на Лемонте к французскому переводу басен Крылова» Пушкин писал: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими».

Произведения устного народного творчества, русские народные песни и сказки являлись для Пушкина неиссякаемым источником вдохновения. Пушкин слушал народных сказителей, он записывал русские песни, он пристально изучал русские пословицы. «Что за роскошь,

¹ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. VI, П., 1919, стр. 358.

² «Правда» (ЦО), 1938, № 165 (статья М. Горького о Пушкине, 1925 г.).

что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!» — восхищался Пушкин. О русских сказках он говорил, что каждая из них «есть поэма». Пушкин считал, что «изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойства русского языка».

М. Горький был глубоко прав, когда указывал, что Пушкин «был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу...».¹ М. Горький добавлял при этом, что Пушкин «украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу».

Наряду с устным народным творчеством. Пушкин был знатоком и ценителем памятников нашей древней литературы и, в частности, величайшего ее создания — «Слова о полку Игореве». Пушкин знал эту поэму «от начала до конца наизусть», он подходил к ней не только как поэт, но и как ученый исследователь. Пушкин выступал с горячей защитой подлинности «Слова», а под конец жизни взялся за большой труд критического его издания. Как русский патриот Пушкин гордился «Словом», свидетельствовавшим о наличии высокой культуры еще в Киевской Руси XII в.

Глубоким патриотизмом проникнуты многие отзывы Пушкина и о русских писателях. Пушкин высоко ценил Ломоносова как гениального человека и ученого, считая его „основателем словесности своего отечества“. „Он создал первый университет“ — писал Пушкин о Ломоносове. „Он, лучше сказать, был сам первым нашим университетом“. Фонвизина Пушкин назвал «смелым властелином сатиры» и «другом свободы», а в письме к брату замечал: «Не забудь фон-Визина писать Фонвизин. Что он за нехристь? Он русский, из перерусских русской». Пушкин восставал против всякого рода попыток принизить национальное значение Крылова, которого он считал «истинно-народным поэтом» и «представителем духа русского народа». Знаменитая пушкинская ода «Вольность» преемственно связана с одой «Вольность» Радищева, которого Пушкин помнил всю жизнь. Когда декабрист А. Бестужев не упомянул имени Радищева в своем обзоре русской литературы, Пушкин сетовал ему: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?» В 30-е годы Пушкин полемизировал с Радищевым и преодолевал его, но в первоначальном варианте своего «Памятника» он написал:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милосердие воспел.

Пушкин видел рабство и угнетение народа, преследования и гонения передовой независимой мысли. Он сам испытал горечь изгнания и ссылки, он пережил трагический исход движения декабристов, с которыми связаны были лучшие его мечты и надежды. Пушкин глубоко страдал от жестокостей и мерзостей николаевского строя и не раз вырывались у него горькие признания: «Чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом», — писал он жене в 1836 г. Но Пушкин никогда не переставал быть любящим сыном своего отечества, он никогда не изменял своему гражданскому долгу. В том же 1836 г. Пушкин дал горячую отповедь П. Я. Чаадаеву, который выступил с отрицательной оценкой русской истории: «... клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории

¹ М. Горький. История русской литературы. Гослитиздат, М., 1939, стр. 98.

наших предков, такой, какой нам бог ее дал». В этих словах Пушкин выразил глубокое чувство родины, которое никогда не отделялось у него от любви и уважения к ее прошлому.

«История народа принадлежит поэту», — говорил Пушкин, и в своих произведениях он воссоздал многие замечательные страницы русской истории. В «Борисе Годунове» он изобразил события периода крестьянской войны начала XVII в. и польско-литовской интервенции. В «Полтаве» и «Арапе Петра Великого» Пушкин воскрешал эпоху Петра I. К образу Петра I, который был его любимейшим героем, он обращался в «Стансах», а впоследствии в «Медном всаднике». В «Рославлеве», а также во многих стихотворениях Пушкин говорил об эпохе Отечественной войны 1812 г. Восторженно отзываясь о роли Кутузова в истории России, Пушкин писал: «Имя его не только священо для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы русские, что оно звучит русским звуком?». В «Капитанской дочке» и «Истории Пугачева» Пушкин развернул картины, относящиеся к эпохе великого народного движения XVIII в. Как историк Пушкин подошел и к своей современности, запечатлев ее в «Евгении Онегине». Белинский точно определил значение пушкинского романа в истории русской культуры, когда он писал, что «Евгений Онегин» «есть поэма историческая в полном смысле слова, хотя в числе ее героев нет ни одного исторического лица». «Историческое достоинство этой поэмы тем выше, — добавлял Белинский, — что она была на Руси и первым и блистательным опытом в этом роде. В ней Пушкин является не просто поэтом, но и представителем впервые пробудившегося общественного самосознания».

«Евгений Онегин» — это подлинная вершина пушкинского реализма. Пушкин воссоздал в своем романе разнообразные слои русского общества 1820—1825 гг. в лице его типических представителей. Здесь и петербургский свет, и дворянская интеллигенция, и провинциальное дворянство, споры Ленского и Онегина о «предрассудках вековых» и всякие фляжовы, пегушковы, густяковы, охарактеризованные двумя-тремя ироническими и сатирическими штрихами.

Читая пушкинский роман, мы знакомимся с общественно-философскими, литературными и театральными интересами эпохи, мы переносимся из столицы в деревню, из Петербурга в Москву, в путешествии Онегина перед нами проходят Нижний, Волга, Кавказ, Крым, Одесса. Мы видим наши города, и со всех сторон обступает нас русская природа, наш родной национальный пейзаж, поэтически воссозданный в пору весны и лета, осени и зимы. В «Евгении Онегине» перед нами образ всей России, движущаяся панорама великой страны.

Пушкинский роман не отличается запутанным сюжетом, действие его чрезвычайно просто, но эта простота действия соединена с чрезвычайной значительностью героев. Главный интерес в романе сосредоточен не на «событиях», а на личностях Онегина и Татьяны, которые встречаются и знакомятся при самых обыденных обстоятельствах, так, как сталкивала людей бытовая жизнь той эпохи.

Рисую условия воспитания и образования Онегина, Пушкин показывает его характер, как результат общественного окружения и социальной среды. Эта среда определяет и поведение Онегина.

Онегин — это дворянский интеллигент, который вырос в условиях крепостнического строя, который искалечен этим строем и потому не может найти себе настоящего дела и места в жизни. Образ Онегина дан у Пушкина в тонах легкой иронии, смешанной с чувствами симпатии и грусти. Пушкин показывает глубокую отчужденность Онегина от окру-

жающих его людей, его одиночество. Татьяна, в противоположность Онегину, полна больших нравственных сил, глубокой человечности. С образом Татьяны сливаются гуманистические идеалы Пушкина, его вера в достоинство и красоту человека. Татьяна необыкновенно близка дорогому для Пушкина народному миру, и недаром, рядом с Татьяной Пушкин воссоздал обаятельнейший образ простой русской женщины, няни Филиппьевны, так напоминающей Пушкинскую Арину Родионовну.

Лицейский товарищ и друг Пушкина декабрист В. К. Кюхельбекер, уже в крепости прочитав восьмую главу романа, записал в дневнике: «поэт в своей восьмой главе сам похож на Татьяну. Для лицейского его товарища, для человека, который с ним вырос и его знает наизусть, как я, везде заметно чувство, коим Пушкин преисполнен, хотя он, подобно своей Татьяне, и не хочет, чтоб об этом чувстве знал свет».

А мне, Онегин, пышность эта,
 Постылой жизни мишура,
 Мои успехи в вихре света,
 Мой модный дом и вечера,
 Что в них? Сейчас отдать я рада
 Всю эту ветошь маскарада.
 Весь этот блеск, и шум, и чад
 За полку книг, за дикий сад,
 За наше бедное жилище...

· · · · ·

Да за смиренное кладбище,
 Где нынче крест и тень ветвей
 Над бедной нянею моей...

В этих словах «бедной Тани», которая сделалась княгиней и «законодательницей зал», Кюхельбекер проникновенно услышал с детства ему знакомый голос самого Пушкина, ставшего пленником аристократического света, а затем и его жертвой.

Конфликт, раскрывающийся в романе, освещен у Пушкина с такой глубиной и широтой, что он, в сущности, решает вопрос и об общественном значении пушкинских героев. Личная любовная тема перерастает у Пушкина в общественно-политическую, и, напротив, коренные общественно-политические проблемы даны в романе под углом зрения интимной жизни. Вот почему Белинский был глубоко прав, когда он заметил, что в «Евгении Онегине» Пушкин «исчерпал до дна русскую жизнь».

Высшей степеней реализма Пушкин достиг в «Евгении Онегине» не описательными деталями и даже не отдельными образами, а гениальным обобщением всей русской жизни своего времени.

Пушкин понял трагическое бессилие декабристов в их борьбе за новые общественные порядки. Но в русской жизни Пушкин не нашел людей, которые способны были продолжить эту борьбу. Таких людей в эпоху, когда заканчивался роман, еще не было. Пушкин понял и ясно сказал только одно: не онегиным суждено прокладывать пути к подлинно-разумному общественному строю. Пушкин ясно сказал, что онегины ни к какой общественной борьбе не способны. Татьяна, хотя и любит Онегина, но осуждает его, а вместе с нею произносит приговор своему герою и сам Пушкин. Герой оказался ненастоящим героем.

Замечательно, что именно эту особенность ситуации пушкинского романа мы находим в ряде классических произведений русской литературы, продолжавших и развивавших тему «Евгения Онегина», — в «Рудине» Тургенева, в «Обломове» Гончарова, в «Саше» Некрасова. Это и является свидетельством глубочайшей жизненности «Евгения Онегина», свидетельством того, что Пушкин создал национальный русский роман,

отвечавший исторической обстановке не только пушкинской эпохи, но и последующих десятилетий.

Сила пушкинского реализма состояла в том, что его творчество питалось реальной действительностью и он поднимал в своих произведениях не второстепенные и случайные, а коренные вопросы русской жизни. По ходу своего идейно-художественного развития Пушкин вплотную подошел в 30-е годы к будничной повседневности, к трезвому, лишенному всякой идеализации, изображению обыденной жизни. Об этом он декларативно говорил еще в «Евгении Онегине»:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косягор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых...

Со смелостью, свойственной только ему, Пушкин поставил и решил великую задачу изображения в поэзии жизни такой, какой она есть — со всей ее прозой и холодом. Пушкин решил великую задачу поэтического изображения будничного и обыкновенного. Недаром Гоголь, наследник Пушкина и продолжатель его дела, эту поэзию «обыкновенного», открытую Пушкиным, понял и истолковал как один из основных его художественных заветов. Еще при жизни Пушкина Гоголь выступил с горячей защитой простоты и безэфектности в искусстве, утверждая, что «чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина». Гоголевский тезис о «поэзии обыкновенного», теоретически обобщавший пушкинские художественные завоевания, стал руководящим для самого автора «Мертвых душ», для критики Белинского и для всего современного им реалистического движения 30—40-х годов. От пушкинской «поэзии обыкновенного» протягиваются нити не только к обличительному реализму Гоголя, но и ко всей натуральной школе 40-х годов, а в частности, к некрасовской поэзии «мести и печали».

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал, да церковь отворил.

В этом стихотворном отрывке, рисуя со всей жуткой выразительностью картину русской крепостной деревни — непосредственное предвестие некрасовской поэзии.

Гоголь был глубоко прав, когда он писал, что сочинения Пушкина «только может совершенно понять тот, чья душа носит в себе чисто-русские элементы, кому Россия родина...».

Пушкин хорошо знал Россию, он изездил ее в разных направлениях, он общался с многими народами, ее населявшими. Пушкин видел

самодержавный гнет, тяготевший не только над русским народом, но и над всеми другими народами тогдашней России. В неоконченной строфе стихотворения «Кавказ» мы находим у Пушкина строки, которые являются настоящим приговором национальной политике самодержавия:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят.

Пушкин страстно желал просвещения и свободы всем народам, населявшим Россию, и свое завещание он оставил не своему «жестокому веку», а будущим поколениям. После Великой Октябрьской социалистической революции «и гордый внук славян, и фин», и другие народы необъятного Советского Союза знают и любят благовестителя их свободы, величайшего русского поэта.

Празднуя столетие со дня рождения Пушкина, с гордостью и любовью мы вспоминали с детства знакомое нам и всегда дорогое бессмертное его имя. Имя Пушкина по праву сделалось символом красоты и могущества русского народа, олицетворением его чести и всемирно-исторической славы.

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 6

ИЮНЬ 1949

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, доц. А. Г. Дементьев, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, проф. Н. А. Домнин, доц. Г. В. Ефимов, проф. Н. П. Еругин, проф. В. М. Кадачигов, проф. С. В. Калесник, проф. С. И. Ковалев (зам. редактора), акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов (зам. редактора), проф. В. В. Мавродин (зам. редактора), проф. А. И. Молок, проф. Н. В. Турбин, проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Шукарев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТА *им. А. А. ЖДАНОВА*
ЛЕНИНГРАД
1 9 4 9